

ЖИЗНЬ ЕГО — БОРЬБА

—
ДЕНИС ЛУШНЯНОВ
Родился в Москве, окончил
Институт журналистики,
коммуникаций и медиаоб-
разования МПГУ. Писатель
и журналист. Ведущий
подкастов, контент-мене-
джер издательских сервисов
«Литрес», обозреватель
радио «Нига».

Вся жизнь его – борьба.

Так он думает, когда трогает ее тело, вьется огромным змеем, опутывает ее ласками в полнотной, ритуальной тьме; все это – с полузакрытыми глазами. Откроет – и мир растает, откроет – ослепнет от собственного сияния, откроет – лишится сказки на одну ночь. Она отвечает большей лаской, она вспоминает, что такое быть богиней, что такое быть матерью-землей, как дарить жизнь взамен наслаждений; ей неважно, что утром она уйдет, вернется в кофейню, где он нашел ее, подобрал, как одинокого котенка, пленил взглядом и сладкими комплиментами, а ей даже не захотелось сопротивляться. Он знает ее чувства – их мысли сейчас одно, их мысли – океан первородной темноты. Каждый получил свое, и утром, с первыми лучами тусклого зимнего солнца – хочется верить, что проснутся они поздно, что долго пролежат нетронутыми два белых вафельных халата, – расплзутся змеями, змеями, змеями. Это уже не он, не она – это нашептывают голоса, которые так хотел позабыть, голоса, от которых мечтал сбежать, голоса, которым поддался, – извивается, извивается... Но нет, он не такой! Он не ночь, не земля, не темнота – он день, небо, солнце!

Вся жизнь его – борьба.

Так он думает, когда в одиночестве открывает сонные глаза, и жизнь – слишком много ее

вокруг – ударяет в ноздри, заполняет его, заставляя вновь забиться сердце – врачи говорят, что оно никогда не останавливалось, но он не верит, забродившую кровь – вновь потечет по венам, онемевшие руки-ноги – вновь зашевелились; так он думает, когда понимает, что она ушла раньше него, заведомо зная, что не будет продолжения, что надо работать; так он думает, когда смотрится в зеркало, щурится от мерзкого холодного света ванной и проводит пальцами по золотой коже лица, без морщин, без складок, но с трещинами, как на картине, убитой временем, плачущей краской, – так не бывает, вновь говорят врачи. Он снова им не верит. Пока наносит тональный крем – толстым слоем, чтобы скрыть золотое сияние, обдающее жаром тысяч неизведанных солнц, – вспоминает далекий город своего детства где-то на краю изученного мира; город, граничащий с ничто и нигде, город, где долгими ночами бродили по улицам ожившие сны, где редкий дневной свет был густым, что вода, а фантастические твари – кракены и грифоны, мантикоры и единороги – жили в лесах, полях, реках и в бескрайнем, замерзшем у берегов океана, кончающемся призрачно-зеленым водопадом края света. Но никто из горожан – от хитрых старушек до прозорливых детсадовцев – не обращал внимания. Жили полной жизнью, а на во-

просы туристов, невесть как оказавшихся в этом месте – то ли во сне, то ли после смерти, – отвечали только: «Да, так и есть». И в городе этом он был королем – королем горы десяти лет отроду; карабкался на снежные горы, покрытые ледяной коркой, поскальзывался, падал, терял связанные мамой варежки, но полз дальше, пихался и толкался, пока не оказывался первым. А его друзья и подруги, его злейшие противники, чемпионы этих скованных холодом олимпийских игр во славу выдуманных божеств, лишь смеялись, наконец взобравшись следом. Он думал, так бывает всегда; он думал, поверженные – люди, которые смеются, и от фантазмагорических улыбок у них сперва рвутся рты, потом лопаются животы.

Вся жизнь его – борьба.

Так он думает, когда, застрявший в кишках чудовища-мегаполиса, стоит в ужасной пробке, и брахиозавр-время замирает, давит много-тонным весом веков: кажется, вот-вот прорвет небо, рухнет наземь океан времен, смывающий настоящее историческими эпохами, соленой водой пролитых слез, полной доисторических ракушек и ископаемых, золотых медальонов тамплиеров и размокших писем обреченных солдат. В эти минуты безвременья он, чувствуя, как жжет лицо собственное золотое сияние, делает из термозакружки глоток крепкого кофе, запрещенного в детстве строгим наказом всевластных женщин, богинь-матерей его семьи, и вдруг ощущает терпкую вонь обеденных печеночных оладушек и липнущие к ногам фантомные черные колготки – уже давно снял их, закутался одеялом, но не спит: сперва прислушивается, потом принимает – и вот он, долгожданный аромат, запах запретного напитка, рядом с которым «Несквик» – грязь и глина на зубах; а ведь дома все полки заставлены мерзко-желтыми банками – желтый, желтый, желтый, почему цвет умственного помешательства, почему цвет роз Мастера? Мир вновь приходит в движение, взрывается новым желтым – брюхастые такси ползут по выделенным полосам, мерцают шашечки в зимней темноте раннего утра. Тогда на краткий миг ему хочется вернуться в свой волшебный город, вновь стать королем горы, вновь рассмеяться – пусть после и будут растирать ноги спиртом, поить «Несквиком» и произносить по-античному пышные речи о его непослушании. Готов переживать это вновь, готов терпеть, но... что это за «но», почему оно опасно проклевывается, будто бы из Кошеева яйца, – треснет скорлупка и придет смерть? Кряхтение

утреннего города напоминает, шепчет на ушко: это «но» – старый бабкин погреб, откуда всегда доносились голоса; голоса звали его, предлагали опуститься, прилечь на сырую землю, приложить голову и получить неслыханные удовольствия, услышать все тайны мира, ведь секреты – в глубине, секреты – там, где они, двое, в одном погребке, под одной землей; двое, в одном погребке, под одной землей, – он вдруг вздрагивает, услышав это наяву, чуть не выпускает руль из рук, но успокаивается – по радио играет новый альбом одной группы; как, зачем они поют о том же?

Вся жизнь его – борьба.

Так он думает, когда паркуется подальше от стеклянной башни, зачарованного офиса, где сонный морок злых чародеев навсегда усыпил мечтателей и свободолюбивых; паркуется подальше, чтобы пройти пешком, вдохнуть жизнь и еще раз увидеть ее – подразнить себя. Заходит в кофейню и здоровается с очаровательной бариста, а она прячет глаза, пытается забыть об их змеиных движениях и животных ласках, о столах и шепоте в голове. Просто делает вид, что возится с кофе, а сама накручивает волосы на палец – ах, могла быть Еленой, разящей наповал владык государств. Ее красота, пробуждающая в нем так многое, заставляет вспомнить обо всех других, о змеином клубке брошенных наслаждений; о тех, кого пришлось отвергнуть на пути к цели; о тех, в кого влюблялся по-настоящему, думал, навсегда. Их было двое: одна – моложе его, другая – сильно старше, одна – мудрая и наивная Василиса, другая – хитрая и коварная Баба-яга, знавшая, что молодых яблочек больше не бывает, давно засохли все райские деревья, смерть рано или поздно придет за ним, заставит позабыть о несметных сокровищах – тогда она-то и схватит их в свои костлявые руки. То были его первые годы в безумном большом городе простуд, сквозняков – тогда еще верил, что есть шанс сохранить маленькие радости, не потеряв себя, и подняться высоко-высоко; что есть шанс любить просто так, радоваться просто так, грустить просто так. Очередные, думает он, пока ждет кофе – его варит другой бариста, парень с серьгой в ухе, – миражи. Но желание не иссякло, бьет ключом. Он утолял свой город бесчисленными проститутками – делал все механически, отчего они быстро утомлялись, но не подавали виду. Он платил хорошие деньги, а они не искали любви – хотя некоторые казались так милостивы, что туманные мысли вернуться к былым делам, вспомнить о любви,

а не о страсти, терзали его редкими бессонными ночами; обычно же спал крепко, в одной позе, почти не видел снов, а когда видел – просыпался в холодном поту и закуривал прямо в кровати, потому что с ним говорили голоса из погребца, открывали ему страшные тайны и поощряли игру в бездушных кукол: пластик к пластику; потом подсказали – ищи змей, в змеях твоя сила! Кем были твои богини бабки-матери, как не змеями, ведьмами-оборотнями?.. Но кофе уже готов. Больше некогда думать, нужно спешить – он улыбается, кивает смущенной змейке и понимает: когда-нибудь, может, сегодня, может, завтра, а может, через год, он вырастет из игр и заберет ее в свои обжигающие, золотые объятия. Ее – или другую.

Вся жизнь его – борьба.

Так он думает, когда привычно улыбается охранникам, а они привычно улыбаются ему – улыбки широкие, но ни разу за все годы не порвались их рты; так он думает, когда прикладывает пропуск, минует турникеты, дожидается лифта, кивает даже незнакомым – вечный маскарад вежливости и милых улыбок, – поднимается на двадцать-какой-то этаж, возвращается в мир золотовласых секретарш и богов-воинов в доспехах-тройках, пахнущих сладким вином и кислым потом: когда-нибудь они растерзают его в священном буйстве цифр, бирж, метрик, отчетов – растерзают и обожгут все руки о его золотую кожу. Прежде чем попросить у очаровательной чародейки кофе в кабинет, он на миг замирает, делая вид, что смотрит в огромное панорамное окно, – но не смотрит, взгляд его тонет в серых водах памяти. Мерцает вопрос – яркий, как затонувшее сокровище. Зачем я сбежал? Зачем стал гладиатором на арене спроса и предложения, заколол мечом десятки достойных? Они не смеялись, нет – чертыхались и слали проклятия, но я только креп, я поднимался по священным ступеням карьерных лестниц, и кожа моя покрывалась золотом; зачем сбежал из волшебной страны, где не было времени, и старики, кажется, жили вечно, где звезды на ночном небе светили ярче солнца, а тайны мира были так просты и понятны – протяни руку и узнай их, прислонись к земле и услышь шепот древних тайн. Он вдруг резко возвращается в реальность. Толкает дверь в кабинет. Да, сбежал от того замершего мира, потому что чуть не хотел застыть вместе с ним, стать мошкой в отвердевшем янтаре; да, сбежал, потому что снежные горы стали слишком малы, а макушка олимпа сияла где-то там, вдалеке; да, сбежал,

потому что слышал голоса то ли древних сил, то ли самих умерших, к тайнам которых боялся прикоснуться; да, сбежал, потому что думал, что все это ему кажется – повредился рассудком; да, сбежал, потому что почувствовал, как превращается в огромного змея: бредил, что болото станет ему домом, а невинная дева – невестой.

И теперь он, некогда гордый гладиатор, ныне – обреченный император, сидит в кресле, придвинувшись к панорамному окну, смотрит на свой Рим стекла и камня и уже видит первые всполохи пожара: когда все вспыхнет, он обязательно заиграет на скрипке. Пламя зовет отчаянными голосами: прислушайся к нам, к этой земле, правда лишь в низине, правда – в глазах обреченных на вечное повторение, в стоне областей и провинций, а не в сладком пении сирен-мегаполисов. Он смотрит на пожар – сигнализация молчит, – вдруг двумя пальцами стирает тональник, рисует себе золотую улыбку, ложится и прикладывает ухо к холодному полу, продолжая смотреть в окно; ему отвечают нежным медовым пением – ох, это она, она, какая-то другая, не менее прекрасная, его невеста! Ох, он спустится на ней под землю! Высовывает язык и шипит; шипит той, чью нежную кожу и обжигающую жизнерадостность чувствует даже с вершин. Неважно, кто она, неважно, где, неважно, как зовут.

Вся жизнь его – борьба.

Сейчас – сдается.

